

ЗНАКИ РЮРИКОВА РОДА (историографический очерк)

В. И. ЛАВРЕНОВ

Сведения о геральдических знаках древнерусских князей относятся к середине X в. Письменные источники зафиксировали наличие эмблем, но не описали изображений знаков. Самое первое упоминание о княжеских эмблемах принадлежит Ибн-Мискавейху, который в рассказе о походе русов на Бердаа в 943–944 гг. отмечал, что в местах сбора дани русы оставляли знак (кусок глины с печатью).¹ Повесть Временных Лет установление "знаменей", т. е. клеймен, относит к деятельности княгини Ольги после 945 г.² "Русская Правда" также говорит о знаках, употреблявшихся в княжеском хозяйстве: "а за князь конь, иже ток с пятном, 3 гривны."³

Изображения знаков представлены многочисленными археологическими памятниками, сфрагистическими и нумизматическими материалами. Практически все эмблемы древнерусских князей в своей основе имеют двузубец. Вещественные источники представляют два основных типа изображений: парадный (нумизматический) и линейный (сфрагистический). На печатах рисунки знаков схематичные и простые. На монетах же они выполнены в "парадной форме" с большим количеством дополнительных элементов, что превращало геральдический знак в замысловатый орнаментальный символ. Величина знака (в том числе и величина стержня) зависела от формы и размера предмета, на котором он ставился. Длинные и узкие предметы (наконечники поясных наборов) имели знак с длинным стержнем. Когда же двузубец ставили на печати или монете, то стержень терял свою длину, т. к. форма предметов не позволяла ставить знак с длинным стержнем.

Княжеские знаки домонгольской Руси помимо монет и печатей широко известны по находкам многочисленных предметов хозяйства и быта. В исследованиях Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера и Л. А. Беляева опубликованы княжеские знаки мастеров на кирпичах. Их оставляли кирпичники-мастера в составе княжеских ремесленников.⁴ Еще в древнерусской литературе обсуждался вопрос о назначении гончарных клейм. Были высказаны предположения, согласно которым, клейма имели религиозный характер, были знаками собственности или метками гончаров.⁵ Б. А. Рыбаков проанализировал большое количество клейм на изделиях гончаров и пришел к выводу, что они являлись метками ремесленников. Изменение рисунка клейма на керамике он объяснил усложнением знака ремесленника при переходе

ремесла по наследству от отца к сыну.⁶ Наличие же княжеских знаков на посуде объясняется тем, что среди городских гончаров были ремесленники, связанные с вотчинным хозяйством князя и метившие свои изделия княжеским знаком.⁷ В отличие от Б. А. Рыбакова, А. Л. Монгайт и Р. Л. Розенфельдт считали, что гончары клеймили посуду, сделанную на заказ, а для продажи на рынке выпускали изделия без клейма. Гончарные клейма служили знаками собственности владельцев сосудов, т. е. семей заказчиков, а не их изготовителей.⁸ Этапы изучения древнерусских печатей и монет хорошо изложены в авторитетных трудах В. Л. Янина, М. Б. Свердлова, М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского,⁹ поэтому, на них мы останавливаться не будем.

Исходя из выводов отечественных историков, можно предположить, что знаки Рюриковичей как бы существовали на трех основных уровнях. Во-первых, они служили "гербом" Киевских князей, во-вторых, были именными княжескими знаками, в-третьих, считались знаками собственности в княжеском хозяйстве. Знаки развивались наследственно и меняли свою форму с изменением имени правителя. Общей оставалась лишь основа — двузубец, а позднее триденс (трезубец). Изменение выражалось в добавлении небольших отростков, завитков, "отпятнышей" к основной форме. "Отпятныши" добавлялись или снизу, или по бокам, или изнутри. Некоторые добавления не играли "личностной" роли и употреблялись с чисто декоративной целью. "Парадные" знаки на монетах выполнялись двойными или тройными линиями, украшались завитками с разных сторон. Подобные декоративные добавления на монетах вряд ли имели символический характер и, по-видимому, считались орнаментальным мотивом. Лишь двузубец простой формы был символом единства правящего княжеского дома. На печатях знаки представляют собой четкое изображение, нанесенное одной линией. Отроги носят уже не декоративный характер, а прямо связаны с именем владельца знака.

В начале двузубец переходил от отца к сыну (у Игоря и Святослава он одинаков) без изменений. Первые изменения исходной схемы знак претерпевает тогда, когда прежнее внутридинастическое единство нарушается при сыновьях Святослава Игоревича. Появление дополнительных элементов в знаке Владимира Святого (третьего зубца), было связано с желанием противопоставить традиционному двузубцу Киевского князя, унаследованному Ярополком Святославичем, несколько отличную от него эмблему.¹⁰ Так и началось использование системы "отпятнышей" для образования новых вариантов старого родового символа. Наиболее полное развитие эта система получила с окончательным разделением Рюрикова Дома на обособленные ветви, представители которых использовали знаки собственных разновидностей. Эволюция лично-родовой эмблемы при ее получении членом

княжеского дома в XII—XIII вв. зависела не только и не столько от степени родства, но и от времени (точнее, порядка или "живой очереди") его юридического вступления в самостоятельную политическую жизнь.¹¹ Еще до середины XI в. обладание лично-родовым знаком, выступавшим одновременно в качестве государственной эмблемы, являлось официально признанной привилегией княжеского князя. Употребление знака в это время другим членом княжеского дома считалось честолюбивым устремлением к захвату или разделу верховной власти. Поэтому, от первой половины XI в. известны знаки лишь Святослава Окаянного, Ярослава Мудрого и Мстислава Храброго. Уже в XII—XIII вв. правом пользования своим индивидуальным знаком обладают многочисленные владетельные представители различных линий разросшегося рода Рюриковичей: в Киеве, Новгороде, Владимире, Чернигове, Смоленске и т. д. Как следствие этого, с первой половины XIII в. начинается кризис русской княжеской геральдики. Связан он с тем, что лежавшая в основе употребления эмблемы Рюриковичей система "отпяднышей", полностью исчерпала возможности создавать новые варианты. К XIV в. тамга вынуждена была уступить территориально-родовым или сугубо личным геральдическим эмблемам.

Для нас важно понять когда и почему великокняжеское "знамено" могло стать общегосударственной эмблемой. Превращение родового знамени в надплеменной, государственный знак (герб) связано с двумя обстоятельствами. Первое. Выход Руси на дипломатический уровень сношений с соседями, в первую очередь, с Византией, обусловил создание атрибутов дипломатической службы. Эти атрибуты должны были по логике вещей нести общегосударственную эмблему. Несомненно, упоминание печатей-подвесок в договоре 944 г.¹² имеет в виду как типологическое единообразие. Ранговые степени печатей различались по металлу, из которого они изготавливались.¹³ Термин "печать" в Древней Руси означал хирограф того или иного лица, в данном случае князя, в принципе на любом предмете. Но если заверенная "печатью" монета служила средством денежного обращения и выполняла прокламативные функции, то функцией буллы (подвески) было только несение "печати", что и привело к их осмысленному отождествлению.¹⁴

Знак Рюриковичей, взятый из языческого наследия и употреблявшийся ранее как "знамено", стал известен не только во всех областях Руси, но и за ее пределами. Сделав свой лично-родовой знак удостоверительной печатью на верительных грамотах, посылаемых в Константинополь императоров, Киевский князь утверждал его на международной арене в качестве единой и единственной общегосударственной эмблемы, приравнивая его в этом смысле к византийскому кресту.¹⁵ Кня-

жеские знаки стали своеобразным звеном между философским умозрением и политической реальностью. В Древней Руси государственная и религиозная (языческая, а затем христианская) идеология впервые соединились в единую систему мировоззрения. Идея славянской государственности пронизывала социальное пространство Древней Руси государственной символикой (знаками Рюриковичей) сверху до низу. Государственный порядок, мировоззренческое единство не могли быть достигнуты путем распространения знаков государственной символики только в верхних кругах общества. Они переходили на массовый материал: гончарные клейма, монеты, печати, кирпичи, многочисленные предметы быта, подкрепленные изобразительными, литературными, фольклорно-эпическими и другими средствами. "Опускаясь вниз", знаки теряли "государственный" характер, сохраняя сакральный смысл, обозначая символическое присутствие рода Рюриковичей в целой системе эмблематики Киевской Руси.

Не менее интересен вопрос о семантике знаков Рюриковичей. Многие ученые, изучая эти знаки, в основном рассматривали историю их происхождения, а не символику. Исследователи уже неоднократно указывали, что исходной базой эмблем Киевских князей были тамгообразные северопричерноморские знаки римского времени,¹⁶ ибо формы тамг во всем мире в основном, одинаковы.¹⁷ Что же означают подобные рисунки? Еще в прошлом веке мнения историков разделились на две основные группы. Одна группа ученых рассматривала знаки как возможное письмо, другая, как символ мира птиц. В 40–50 гг. нашего времени в отечественной историографии "письменная" версия получила ряд ответвлений, образовавших "сарматскую" и "славянскую" линии. Представители первой линии усматривали в тамгообразных знаках сарматские письмена.¹⁸ Странники "славянской" линии либо видели в знаках буквы письма древних антов первой половины I тыс. н.э.,¹⁹ либо принимали их за письменные знаки, восходящие к греческим буквам, частично к знакам рунической системы, положившей начало глаголице.²⁰ Теории происхождения глаголицы из причерноморских знаков посвятил несколько статей Н. А. Константинов, именовавший знаки "скифо-сарматской графикой".²¹ Несмотря на привлекательность подобного подхода к прочтению знаков, авторитетные отечественные историки высказались против выводов Н. А. Константинова.

Немецкий историк Г. Гумбах считал тамгообразные знаки обычными греческими монограммами, которые можно разложить на составные элементы – буквы греческого алфавита. Такой подход позволил Г. Гумбаху "прочитать" несколько знаков и определить их основу как греческое слово "солнце".²² Польский историк Б. Надель также предпочитает видеть в знаках греческие монограммы.²³ Более того, он

утверждает, что знаки сочетали в себе три уровня символики: тамго-
вый, магический и обрядовый, и связаны как с символикой власти,
так и с загробной символикой.²⁴

Позднее, в отечественной историографии не раз предпринимались
попытки трактовки знаков как некоего письма. Так, в 1963 г. В.П. Пет-
ров назвал причерноморские знаки "местным традиционным письмом
архаического Крыма."²⁵ Отечественный лингвист Г. Ф. Турчанинов,
исследуя "взаимоотношение" сарматских знаков и знаков письма,
сделал вывод, что некоторые тамги являлись не знаками, а лигатура-
ми, означающими слово "царь".²⁶

Следующий комплекс взглядов на семантику знаков связан с
расшифровкой их как символа птицы. Известный венгерский историк
Г. Ласло в специальном разделе о тамгах и поясах эпохи авар, усмотрел
в сарматских знаках абстрактное изображение птицы, сидящей на
палке или шесте.²⁷ Немецкий историк Х. Енихем в своей монографии,
отличающейся почти энциклопедическим охватом рассматриваемых
тематик, считает изображение птицы составной частью многочис-
ленных форм тамгообразных знаков.²⁸ Все известные науке знаки
Х. Енихем относит к иранским символам (сарматские, сасанидские,
кушанские), ибо все они похожи, построены на одинаковых принципах
и основываются на одних и тех же представлениях.²⁹ В частности,
сарматские знаки представляли символы власти, связанные одновре-
менно с культом предков. Х. Енихем не обошел вниманием и сами
"знаки Рюриковичей", усмотрев в них изображение сокола, аналогич-
ную сарматскому знаку петуха на шесте, как разновидности государст-
венного герба, заимствованного у иранских правителей.³⁰

Подробный историографический обзор о символике собственно
знаков Рюриковичей содержится в работах И. И. Толстого и А. В. Ореш-
никова.³¹ Еще Н. М. Карамзин в "Истории государства Российского"
назвал изображение на монетах киевских князей "трезубцем".³² Из-
вестные нумизматы XIX в. Я. Я. Рейхель, И. П. Сахаров, С. И. Шодуар,
Ф. Ф. Шуберт считали знак изображением древнейшего светильника —
трахиррия или паникадила.³³ Я. Волошинский, Ф. А. Жиль, А. Тильзеус
фон Тильнау видели в киевской эмблеме хоругвь.³⁴ С. Г. Строганов в
письме А. А. Кунику назвал "знак рюриковичей" церковным порта-
лом.³⁵ И. А. Бартоломей предпочитал видеть в знаке рисунок якоря.³⁶
Известный археолог XIX в. А. А. Уваров предполагал в знаке искажен-
ное изображение верхней части византийского скипетра.³⁷ К этому
мнению присоединился и сам И. И. Толстой, считавший, что византий-
ский скипетр был доставлен на Русь из Царьграда царевной Анной
Владимиру.³⁸ Заведующий Гербовым Отделением Департамента
Герольдии Б. В. Кёне и историк-нумизмат А. А. Куник видели в знаке
рисунок птицы, причем, первый считал ее вороном,³⁹ а второй — голу-

бем, символом святого духа.⁴⁰ Позднее, под влиянием доводов А. А. Уварова и И. И. Толстого, А. А. Куник отошел от первоначального мнения, и стал считать знак изображением державы – символом власти Киевских князей.⁴¹ Известный шведский ученый (Т. Арне), увидел в эмблеме также как и Б. В. Кёне рисунок птицы.⁴² Тогда же впервые появилась и "письменная" версия прочтения знака Рюриковичей. К. Болсуновский считал знак зашифрованным словом "василевс".⁴³ П. Н. Милюков в статье "Норманский знак на монетах Великого княжества Киевского" (1889 г.) писал о сходстве знака со шлемами, изображенными на ковре из Байе.⁴⁴ Хранитель Оружейной Палаты Д. Я. Самоквасов предлагал трактовку знака как скипетра, форма которого была заимствована из скифских курганов.⁴⁵ Вятский статистик П. М. Сорокин видел в знаке изображение топора с двумя лезвиями-франциску.⁴⁶ Наконец, историк С. А. Геденов в книге "Варяги и Русь" назвал "изображение на Игоровой гривне" соколом-рериком.⁴⁷ Для нас непонятно о какой "Игоровой гривне" писал ученый.

Классификация знаков Рюриковичей впервые была сделана А. В. Орешниковым.⁴⁸ Впоследствии, в нее вносили поправки Б. А. Рыбаков и В. Л. Янин.⁴⁹ Но символика княжеской тамги до сих пор не до конца раскрыта. Отечественный историк О. М. Рапов склонен видеть в знаках Рюриковичей символ атакующего сокола.⁵⁰ Знак сокола очень часто употреблялся в Киевской Руси и, возможно, в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья.⁵¹ Археолог В. И. Кулаков также считает, что в знаках читается изображение птицы. По его мнению, в период с конца IX по XI вв. в Восточной Европе и Прибалтике существовали две тенденции в изображении птиц. Первая представляет птицу-хищника (ворона – в скандинавской и русской традициях, спутника воина, эмблему дружинника).⁵² Вторая – заключается в изображении птицы-жертвы (петуха в русском фольклоре, связанного с Солнцем), известной по граффити монет в составе сакральных кладов. Этот образ сначала в Земле Пруссков, а затем в Киевской Руси, стал эмблемой княжеской власти.⁵³ Петух вообще археологически и этнографически известен не только на Руси, но и в Азербайджане и Закавказье. Его образ связан с земледельческим культом и астральными представлениями.⁵⁴ По мнению В. И. Кулакова, петух – это символ жертвы, принесенной князем за свой народ.⁵⁵

Наконец, не так давно на семинаре по геральдике в МГИАИ математик Э. И. Кучеренко предложил читать знак Рюриковичей как слово "ЦАРЬ", поддержав тем самым старую позицию К. Болсуновского и Г. Ф. Турчанинова в отношении символики сарматских тамг.⁵⁶ Появившаяся в последнее время на Украине литература о знаках Рюриковичей в большей степени повторяет старые исследования.⁵⁷

Множество приведенных мнений и идей относительно семантики знаков, являются следствием не только взаимозакрывающих точек зрения, но и часто поверхностным представлением о пути формирования родовых знаков. Еще до 1917 г. блестящий отечественный историк и этнограф П. С. Ефименко,⁵⁸ изучая на колоссальном этнографическом материале развитие родовых знаков, отмечал, что у народов с одинаковыми формами хозяйства были и одинаковые предметы быта. Люди брали своим знаком изображение одного из предметов быта, с которыми были тесно связаны и от которых зависело их благополучие. Этим и объясняется распространение сходных форм знаков и приблизительно-но одинаковый круг их использования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 943—944 гг. // ВВ.-Л., 1934. — Т. XXIV. — С. 67.
2. Орлов Р. С. Школы художественной металлообработки "Русской земли" и племенные украшения // Исследования социально-исторических проблем в археологии. — Киев, 1967. — С. 129; Махматов А. А. Повесть временных лет. — Пг., 1916. — Т. 1. — С. 69.
3. Русская Правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. — Л., 1934. — С. 6.
4. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 367; Каргер М. К. Древний Киев. — Т. 1. — М.-Л., 1958. — С. 456; Беляев Л. А. Из истории древнерусского строительного дела (знаки на древнерусских кирпичах X—XIII вв.). // Проблемы истории СССР. — М., 1973.
5. См. об этом: Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах // СА. — 1963. — № 2. — С. 121—122.
6. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. — 1940. — Т. VI. — С. 229.
7. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. — С. 363—367.
8. Мингайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 284—291; Он же, Старая Рязань // ИВЛ. — 1955. — № 49. — С. 121; Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах. — С. 121—122.
9. Янин В. Л. Изучение древнерусских вислых печатей. // ВИД. — Л., 1968. — I. — С. 10—53; Свердлов М. Б. Геральдика // Советское источниковедение Киевской Руси. — Л., 1973. — Т. 1. — С. 178—182; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. — Л., 1983.
10. Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. — Л., 1985. — XVI. — С. 83.
11. Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. — М., 1974. — Сб. IV. — С. 27.
12. В деловом тексте договора 944 г. сказано: "великий князь Русский и бояре его послали в Греки к великим царям греческим корабли, елико хотять, сослы и с гостями, елико им установлено быть. Ношаху если печати злати, а гостье серебряни." (ПВЛ. — Т. II. — С. 35).
13. Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. — Л., 1976. — VII. — С. 83.
14. Там же. — С. 80.
15. Там же. — С. 83.

16. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки СевероPontийской периферии античного мира первых веков нашей эры. — Киев, 1975. — С. 99. — Табл. III—XII.
17. Драчук В. С. Результати досліджень тамгоподібних зображень Південної України // ВАН УРСР. — № 7. — 1970. — С. 72.
18. Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. — № 25. — М.—Л., 1952. — С. 410. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. — Л., 1953. — С. 177, 179. — Рис. 76.
19. Тиханова М. А. Социально-экономический строй антов в III—V вв. в Молдавии // История Молдавии. — Т. I. — Кишинев, 1951. — С. 41—42.
20. Черных П. Я. Язык и письмо // История Культуры Древней Руси. — Т. II. — М.—Л., 1951. — С. 133—134.
21. Константинов Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица // Уч. Зап. ЛГУ. — № 197. — Серия: Филология. — Вып. 23. — Л., 1957. — С. 110—146.
22. Humbach H. Die sogenannte sarmatische Schrift // Die Welt der Slaven (WS). — VI. — 3. — Wiesbaden, 1962. — S. 225—231.
23. Nadel B. Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Potnocnego Nadczarnomorza z okresu antycznego // Archeologia. — 1962. — XIII. — Warszawa, 1963. — S. 178—185.
24. Там же. — С. 182—183.
25. Петров В. П. Словянська писемність за археологічними пам'ятками // Питання походження і розвитку словянської писемності. — Київ, 1962. С. 28.
26. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. — Л., 1971. — С. 41, 65. — Табл. XXIX. — Рис. 1—2.
27. Laslo G. Etudes archeologiques sur histoire de la societe des Avars // AN. s. n. — XXXIV. — Budapest, 1965. — С. 158—185.
28. Jänichen H. Bildzeichen der Königlichen Hoheit bei den iranischen Volkern // Antiquitas. — Reihe — I. — Azag Bd, 3, — Bonn, — 1956. — С. 10.
29. Там же. — С. 13—15.
30. Там же. — С. 35—36.
31. Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. — СПб., 1882. — С. 165—183; Орешников А. В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. — М., 1894. — Вып. 10. — С. 301—311.
32. Толстой И. И. Указ. соч. — С. 165.
33. Там же. — С. 165—166.
34. Там же. — С. 166, 180.
35. Там же. — С. 166.
36. Там же.
37. Там же.
38. Толстой И. И. Знамя первых наших христианских великих князей // Труды VI Археологического Съезда. — Одесса, 1886. — С. 269.
39. Толстой И. И. Древнейшие... — С. 62—65.
40. Там же. — С. 166.
41. Там же. — С. 12.
42. Цит. по: Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. — 1968. — № 3. — С. 62—69.
43. Болсуновский К. Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. — Киев, 1908. — С. 4—6.
44. Орешников А. В. Новые материалы. — С. 304.

43. Там же.
44. Там же. — С. 205—308.
45. Геленко С. А. Варяги и Русь. — СПб., Т. II. — С. 34.
46. Срединников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. — М., 1936.
47. Рыбачко Б. А. Знаки собственности; Янин В. Л. Древнейшая русская печать // *Славянск.* — 1955. — Вып. 57; Он же: Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // *Славянск.* — 1956. — Вып. 62; и др.
48. Ратис О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола. — С. 69.
49. Там же.
50. Курьяков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. // *СЛ*. — 1981. — № 3. — С. 115.
51. Там же. — С. 116.
52. Руудалде Н. Е. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья // *СА*. — 1973. — № 1. — С. 57.
53. Курьяков В. И. Указ. соч. — С. 114.
54. Курьяков Э. И. О смысловом значении Киевского трезубца // *Вестник геральдики*. — 1981. — № 2. — С. 4.
55. См. например: Пастернак О. Пояснения тризуба, герба Великого Київского Князя Владимира Святого. — Київ, 1991; Братко-Кутинський О. А. Нащадки святої трійци. Генеза української державної символіки. — Київ, 1992. и др.
56. Бодневско П. С. Юридические знаки // *ЖМНП*. — ч. CLXXV. — СПб., 1874. — С. 19—22; ч. CLXXVI. — СПб., 1874. — С. 145—170; ч. CLXXVI. — С. 271—293.